Текст · 23 января 2020, 06:53
Александра Лимарева,

«Я делаю почти то же, что делала, когда была следователем, только на других языках». Судебный переводчик о своей работе

Бывший следователь Сара Идрисова, которая уже больше 15 лет работает судебным переводчиком в Петербурге, рассказала «Медиазоне», сколько дел приходится брать сразу, чем она может помочь обвиняемому, почему мигранты совершают преступления и как в суде проявляется скрытый расизм.

Я живу в Петербурге уже 44 года: сначала работала юристом, потом следователем. Заканчивала здесь юридический факультет по специализации уголовного права и хотела вернуться домой, в Киргизию, но не вышло — сказали, что для должности следователя у меня на родине нужна весомая взятка, пришлось остаться и пойти на должность следователем во Фрунзенский и Приморский районы. Я человек советского воспитания, который шел в эту профессию, чтобы бороться за правду, с преступностью, но наяву все оказалось немного не так — в каждом деле приходилось быть не столько следователем, сколько психологом, пытаться понять, что человека привело к преступлению.

Я узнала разные стороны человека: он может быть умным, начитанным, с высшим образованием, но почему-то пойти воровать или убивать. От крайнего случая никто не застрахован. А еще человек часто

даже может не подозревать, что ему нужна помощь, что он болен.

Был у меня такой случай: парень ходил по стройкам и насиловал девочек, убивал, а потом расчленял, самый обычный, приятный на внешность и в общении, приехал из Казахстана. Но после того как он мне как следователю всю жизнь свою рассказал, мне стало понятно, откуда в нем это — мать в детстве, когда он делал уроки, ударила его линейкой по голове, после чего у него случился первый в жизни эпилептический приступ. После этого он сначала возненавидел свою маму, а потом и всех женщин. Вырос, в 25 лет сказал матери, что поедет на заработки — та и забыла, что он болен. Уехал в Новосибирск, познакомился там с девушкой. Однажды она в шутку сказала ему: «Какой же ты дурак!» — и слегка ударила зонтиком по голове, по тому самому месту. Задушил на месте. И пошло-поехало. Вот какие вещи бывают. Из моего опыта, большинство людей, осужденных за страшные вещи, надо не в тюрьму отправлять, а в психиатрию, лечить.

Продолжая сейчас работать немного в другой сфере, я все равно это замечаю, так как помогаю следствию: например, не так давно узбекский мальчик убил своего дядю, семья вся работает дворниками. История такая же, все из-за травмы — мать парня вышла за другого, а он сам оставался между двумя семьями. Его били, а он постоянно копил эту злость. Маленький, крепкий, спортивный мальчик. Я спрашивала у него, как же так, и он признался мне, что его собственный дядя всю жизнь над ним издевался, а на убийство спровоцировал: «Мы сидели всей семьей, пили чай, а дядя — пиво. Он ударил меня бутылкой по голове

и сказал, что я разгильдяй, я не выдержал и начал его бить. Нас разняли. Но его было не остановить, он продолжал обзывать меня. У меня был с собой нож». Теперь парень плачет в СИЗО, следствие будет долгим и упорным, грозит пять лет. Но я буду немножко помогать ему, подсказывать, что говорить в суде и как давать показания, чтобы срок был меньше — надо обязательно сказать обо всех обстоятельствах, о тех унижениях, которые он пережил, но пока что он мне не поддается.

Конечно, влиять на следствие нам запрещено, но иногда только запрещенными приемами можно добиться справедливости. Честность перед следствием его спасет. Сейчас он плачет каждый день в камере, раскаивается, а я ему говорю: «Плачь не здесь, плачь так, чтобы судья видел. Тогда выйдешь». Поверьте, это правда помогает. Восточная эта горячность и несдержанность, особенно когда у человека накопилась злоба — одна из самых частых причин преступлений в среде мигрантов.

Моя работа следователем пришлась на девяностые. Очень мне запомнилось мое самое первое убийство на Черной речке — я тогда ночью дежурила. Азербайджанец, хозяин кафе, задолжал кому-то — приехали, застрелили и уехали. Представьте картину — мертвый мужчина в крови на белых скатертях в кафе. Меня рвало, конечно, но потом я привыкла, к этому быстро привыкаешь. Убийств было много, и многих не находили, но и за просто так, ради раскрываемости, никого не сажали или хотя бы старались не сажать. Всяких бизнесменов начальство, конечно, отпускало, но такое было всегда. Но показания не выбивали точно, по

крайней мере, в тех местах Петербурга, где удалось поработать мне. Разговор — это вообще самый лучший путь к правде, в грамотно построенном разговоре можно понять абсолютно все. Тем более, когда следователь — женщина, человек напротив тебя гораздо больше доверяется, почему-то так сложилось. Женщины-следователи, в отличие от мужчин, работают более дотошно, кропотливо, это безусловно.

Иллюстрации: Анна Макарова / Медиазона

Потом, спустя много лет уже, я стала чувствовать эту профессиональную черствость, которая стала отражаться на семье, на ребенке, когда сначала поднимаешь голос, а потом говоришь сама себе: «Остановись, это твой сын, а не преступник!». И даже рамка, которую ставишь между собой и работой, чтобы через себя все это не пропускать, не помогала. И ушла на пенсию, потом в переводчики — решила чем-то полезным заниматься и продолжать как-то деньги зарабатывать.

В 2003 году, смотрю, какая-то крупная фирма по судебным переводам в Петербурге открылась. К тому моменту мигрантов по России было в принципе мало, так как эмиграция началась примерно в 1988 году — Карабахские события, азербайджанцы и армяне начали бежать сюда, а потом уже началась какая-то стихийная вынужденная миграция. В 2006 году Матвиенко, когда была губернатором Петербурга,

участвовала в Европейском саммите[1], где многие европейские страны выступали за то, чтобы по сути наших мигрантов к себе пригласить — Германия, Франция и так далее. «Пускай к нам едут работать». Наши же подумали-подумали и решили, что нам дешевая или вообще бесплатная рабочая сила нужнее, упростили процесс въезда в Россию, и пошел этот поток.

Решение было, так сказать, необдуманное — раз мигранты приезжают, значит, растет преступность, потому что человек страшно много работает, денег почти нет, что ему еще делать? Воровать. Если человек стойкий, то придется не воровать, а бомжевать, что не лучше. Когда поток увеличился, предсказуемо стали появляться анклавы — узбеки с узбеками, киргизы с киргизами, азербайджанцы с азербайджанцами. Внутри этих анклавов свои отношения, драки, убийства и прочее. Полиция их задерживает и появляется нужда в таких, как я, в переводчиках по восточным языкам.

Можно считать, что я делаю почти то же, что и тогда, когда была следователем, только на других языках. Случилось преступление, полиция узнает об этом и сразу же сообщает дознавателю, прокурору и следователю. Едут на место, собирают следы, забирают людей в отдел. Далее дознание, срок на него три дня. В этой схеме, если преступление связано с мигрантами, судебный переводчик появляется сразу же, еще на моменте осмотра места преступления и задержания: сразу же беседует со свидетелем и подозреваемым, потом помогает в допросе на следствии, потом на заседании в суде.

Было время, когда к работе привлекало ФСБ, когда работали над делами, связанными с терроризмом — в основном разбирались с теми, кто собирался уехать воевать в Сирию, дела были практически одинаковые, как и ребята — обыкновенные, но, судя по глазам, абсолютно запутавшиеся.

Из своего опыта могу сказать, что нет ничего страшнее, чем преступления, связанные с детьми. К трупам можно привыкнуть, это не страшно, а к детским трупам привыкнуть невозможно. Я долго не могла вернуться к своей работе после одного убийства — в 2018-м одиннадцатилетнего мальчика нашли спустя десять дней, был убит близким членом семьи, мужем сестры. Киргизы, глава семейства работает водителем маршрутки, мама с убитым сыном приехали к своей большой семье погостить. За три дня до отъезда на родину мальчик пропал, и ужас в том, что семье было в общем-то все равно, а мы искали, искали и искали, зима, январь… Этот несчастный мальчик оказался совершенно лишним — оказывается, мать все это подстроила, договорилась с зятем, потому что хотела свободно уехать в Турцию к новому ухажеру, а мальчик лишь мешал. [Ухажер] отвез его подальше в Купчино, по голове арматурой, потом под снег, сверху линолеумом… Плоха была и работа следователей, грубы были — сейчас они всегда раз-раз по башке и готово, так нельзя, надо разговаривать с человеком, вести диалог, пытаться по-настоящему во всем разобраться. Человек от страха кулака может что угодно сказать.

В судебные переводчики идут совершенно разные люди. Общее требование — судебный переводчик обязательно должен быть с высшим образованием

той страны или той республики, откуда он приехал. Хорошо, если гражданство российское, потому что к иностранцам совершенно другое отношение — с них часто не спрашивают необходимые документы. Это потому что русским по гражданству боятся не платить, а арабам и прочим, которые работают даже в нашей организации, тяжелее. Лично мне платят стабильно, потому что знают, что я старый волк и меня не обмануть — я живу здесь давно и в моей рабочей сфере меня уже все знают. А люди, которые только-только переехали, стесняются просить себе зарплату, ждут, а работодатели этим пользуются. В нашей организации такие случаи происходят реже, а вот в организации «Бюро судебных переводов» этого произвола больше.

Так как переводчиков в Петербурге, в принципе, много, около 300 человек, а зарплату платят далеко не всем, то чтобы хоть какие-то деньги получать, надо за дела в прямом смысле бороться. Если не торопясь работать, то можешь получать 25 тысяч. Если бегать, то можно, конечно, больше. Если берешь по три дела в день — считается, что ты еще «не бегаешь». Я не успеваю есть из-за этой работы — по три-четыре заседания за день в разных концах города. Часто ругают: «Переводчик опаздывает!». А переводчик с 9 утра сначала в Невском суде был, потом к 12 через весь город в Ленинский суд и так далее.

Иллюстрации: Анна Макарова / Медиазона

За работу со следствием платят больше, чем в судах. Это связано прежде всего с финансовыми источниками: судья постоянно думает, что она, платя нам, свои деньги тратит, хотя их выделяет государство. Адвокату вовремя всегда заплатят, а нам могут затянуть. Если все-таки тесно работать с судами, то хорошо оплачиваются только письменные переводы разных документов. Потому что из-за разности языковых групп из, например, четырех страниц на русском языке может получиться шесть на узбекском, а каждая страница перевода обычно стоит 250 рублей. Так как языки непростые, а точность важна, то иногда над одним переводом можно очень долго сидеть, а с каждого документа примерно тысяча уходит в организацию на административные расходы. Конечно, за такой труд этой суммы недостаточно, но как есть. Обычно переводы с русского на другой язык очень срочные и их надо сделать быстрее, чем наоборот, на них дается два-три дня — они выдаются сначала судье, от судьи — подсудимому на руки, вообще, схема эта очень сложная для понимания, в нее надо долго вникать.

Переводчик может, действительно, на следствие повлиять. Говорят задержанному или уже подсудимому: «Давай ты мне дашь сейчас пять-шесть тысяч, и ты выйдешь». Очень много таких случаев. Сегодня на моих глазах в Московском районном суде такое было: пришли два узбека, постоянно там почему-то ошиваются, через переводчика о штрафе и о «дополнительных деньгах» договорились с полицейскими и ушли. Должны были посадить за неправильное оформление документов — регистрация и прочее, но, понятное дело, сидеть никому не хочется, лучше повторно закон нарушить.

С этой статьей[2] вообще огромная проблема — большинство мигрантов не носят с собой все документы, и, так как сразу личность не получается установить, полицейские дальше не заморачиваются. Например, при срочном попадании в больницу. Сами мигранты думают иначе: «Ага, раз никто не знает, кто я, значит, меня отпустят». А на самом деле все наоборот — если личность не установлена, то он будет сидеть в СИЗО до посинения. Весь этот процесс оформления мигрантов стране неплохую такую прибыль приносит: человек, приезжающий сюда на заработки, должен оформлять регистрацию и патент на 30 тысяч, такое разрешение для работы, которое надо постоянно продлевать. Получается, что большую часть заработанных денег каждый мигрант итак, несмотря на постоянные штрафы, отдает России.

Помню такой случай — в Выборгском районе Петербурга совсем молодой восемнадцатилетний парень украл бутылку коньяка за 380 рублей. Первый раз пронесло, во второй заметили и

задержали. При задержании на него повесили не две, а несколько бутылок, чтобы дойти до пороговой суммы[3], за которую уже человек может понести ответственность, и можно дело открывать. Предполагаю, что директор магазина и дознаватель тут постарались: «А вдруг у него найдутся родственники, которые предложат за него деньги, которые потом можно поделить?». При задержании у парня нашли фальшивый паспорт. И у полицейских же план по закрыванию дел по таким статьям, который ежемесячно надо выполнять — по 327-й статье[4] и 158-й[5] примерно по пять человек надо сажать. Это все негласно, конечно, но такой план на каждый район общим собранием выдается. Это постоянная попытка из ничего вылепить что-то.

Недавно видела его на судебно-психиатрической экспертизе, на которой переводчик тоже должен присутствовать — самый обычный парень. Признался мне, что украл, чтобы таким образом заплатить хозяину за место в комнате, работы не было. Хозяин сам предложил ему такой способ оплаты — или на улицу. Конечно, он согласился. Ему оформляли это как групповое, более тяжкое преступление, он следователям сказал, что был с другом, который стоял у входа в магазин, но потом сбежал. Я ему тогда советовала, хотела помочь: «Ну зачем ты про друга-то сказал?! Он сбежал же, говори, что ты был один!». Не стал, хотя если бы так сказал, то был бы шанс вообще закрыть дело.

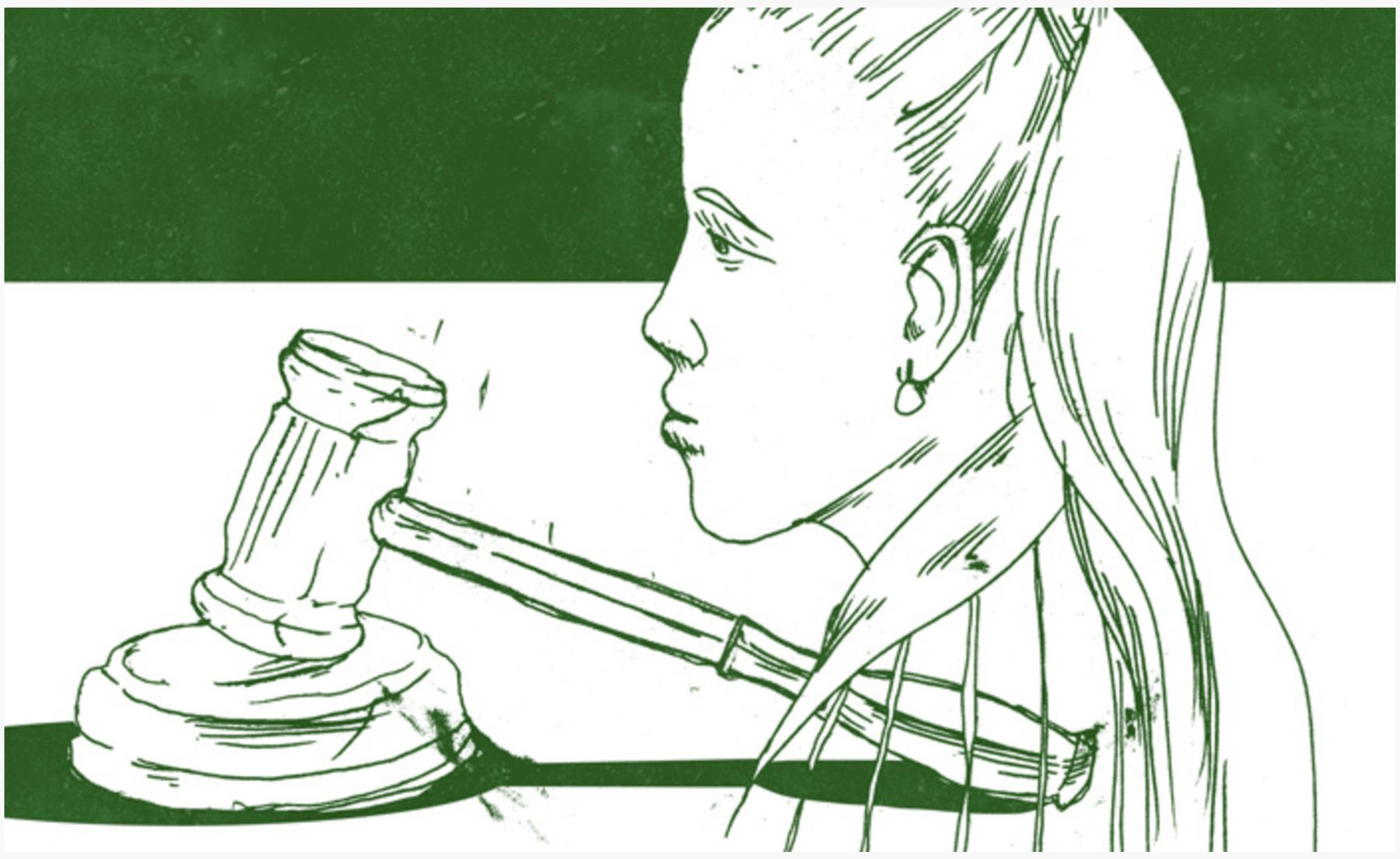
Чаще всего, конечно, от этой постоянной погони за раскрываемостью страдают мигранты, в основном узбеки, потому что их значительно больше остальных

по всей стране. У них такой менталитет, что они постоянно, если переезжают, сюда всех родственников зовут:

— Вот в России лучше, здесь хотя бы работа есть.

— Да ты что? Я тоже поеду!

Приезжают друг за другом и попадают в разные ситуации — деньги у них крадут, документы, потом почти всегда появляется шанс сделать себе поддельные, ну а что еще остается? Потом проверка полицией где-нибудь в общественном месте и СИЗО, все. Мне кажется, что сидеть в тюрьме за неправильные документы это просто абсурдно: штраф или вынужденная депортация — да, но не тюрьма же. Теперь минимум до пяти месяцев в СИЗО.

Судовой журнал. Монолог секретаря судебного заседания

Обычно подсудимый воспринимает адвоката, следователя, прокурора и меня как людей с одной стороны, думает, что мы все заодно и против него. Но можно сказать, что я единственный человек, у которого есть шанс расположить к себе подсудимого — я знаю его язык, и мне нужна правда. От моего перевода зависит очень многое, угол, под которым все посмотрят на это дело.

Например, весной закончилось рассматриваться одно дело — молодого узбекского парня избили полицейские и заставили признаться в том, что он женщин грабил. Ни одна из женщин-жертв его не признала, более того — все предполагали, что напал на них не узбек, а русский, потому что матерился по-русски. Одна из женщин оказалась спортсменкой, ей удалось вырваться, оторвать ручку сумки и увидеть его лицо: «Да он был рыжий, усатый». И экспертиза судебная, которая анализировала нападение, показала, что парень-грабитель значительно выше, чем тот, которого поймали полицейские. Парень на тот момент уже больше года был в СИЗО, в результате его отпустили в зале суда. Можно сказать, что это расизм в какой-то степени — проще поверить, что на грабеж на улице пойдет мигрант, а не русский.

Расизм в судах, в принципе, есть, но скрытый. Иногда проскакивает — лет пять назад я часто сталкивалась с судьей, которая постоянно говорила: «Ну, давайте черных сюда!». До сих пор одна судья в Октябрьском районном суде каждое дело с мигрантами начинает с фразы: «Ну зачем вы все в Россию-то приехали?». И уж если себе такие фразы судья позволяет, то от других ждать чего-то вообще сложно, причем

неважно — мигрант ты в статусе подсудимого или мигрант в статусе судебного переводчика с официальным удостоверением. Когда ввели обязательную аудиозапись судебных заседаний, судьи стали сдержаннее.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Вероятно, речь о саммите стран «Большой восьмерки», который прошел в Петербурге в июле 2006 года.
2. Вероятно, речь и статье 18.8 КоАП (нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации).
3. За кражу на сумму до 2 500 рублей предусмотрена административная ответственность (статья 7.27 КоАП), если сумма выше — это уже уголовное преступление (статья 158 УК).
4. Статья 327 УК (подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков).
5. Статья 158 УК (кража).